

Как бы там ни было, Ся Пэньюэ в итоге благополучно пробудил магический дар.

Событие, вне всяких сомнений, радостное и достойное того, чтобы его отпраздновать.

Чи Сянь не удержался — прикрыл рот ладонью, тихонько кашлянул, а затем молча составил для него подробное руководство по совершенствованию магии света.

На следующий день на Centralной площади Кастара начался открытый судебный процесс.

Здания вокруг площади сильно пострадали во вчерашней битве, так что ратуша решила не мелочиться: подогнала рабочих, подчистую сровняла руины с землей и за счет освободившегося места расширила зрительские трибуны.

И не прогадала. Рано утром, еще до того, как на площадь прибыли Шастер и остальные, все пространство запрудила бесчисленная толпа простолюдинов и рабов, стекшихся со всех концов города. Яблоку негде было упасть.

Помимо горожан, Шастер пригласил представителей странствующих купцов. Торговцам не терпелось узнать, действительно ли церковная верхушка Кастара, наплевав на жизни ста пятидесяти тысяч мирных жителей, пыталась сговориться с Церковью Убийц Богов, чтобы извести градоправителя...

Придя на площадь, гости обнаружили, что на ней установили огромный экран — куда больше прежнего, чтобы даже те, кто стоял в десятках метров, могли отчетливо видеть происходящее. Этот щедрый подарок городу преподнес лично Ся Пэньюэ.

На экране без утайки крутили вчерашний заговор высших чинов Церкви. Горожане воочию наблюдали, как те, узнав, что их тайный сговор транслируется на весь город, без малейших колебаний решили сдать Кастар Церкви Убийц Богов — лишь бы фанатики вырезали всех свидетелей их позора.

В толпе мгновенно поднялся невообразимый гул.

— Неужели всё это правда?..

— Но ведь они... они же посланники Бога Света!

— Как только у них рука поднялась на такое?!

— Слыхали? Сам командир рыцарей Элиот сказал, что никакого Бога Света вообще не существует!

— Если уж он так говорит... Неужели Его и вправду нет?

— А еще он сболтнул, что Папа... то есть Его Святейшество Понтифик прекрасно обо всем знал и даже прислал людей им на помощь!

— Выходит, понтифику тоже плевать на наши жизни?

Однако впереди людей ждало еще большее потрясение. Первым делом прибывший Шастер распорядился вытащить на площадь тела казненного епископа Броуда с его приспешниками, а рядом — свалить все сокровища, конфискованные из их особняков.

При виде этой мгновенно выросшей горы золота и драгоценностей толпа потрясенно смолкла. Купцы ошарашенно переглядывались: интуиция подсказывала им, что Шастер затеял этот суд вовсе не для того, чтобы просто покарать кучку зажавшихся священников.

Затем на трибуну поднялся Председатель парламента и зачитал обвинительный приговор.

Священнослужителям припомнили всё.

То, как под предлогом ремонта собора Церковь семь раз объявляла сбор пожертвований и вытрясла из прихожан в общей сложности шестьсот тридцать тысяч золотых монет. Из них на сам ремонт ушло едва ли сто тридцать тысяч — остальные полмиллиона прикарманили епископ Брод и двенадцать его ближайших приспешников.

То, как за последние полвека Церковь получила более двух миллионов золотых пожертвований, из которых миллион шестьсот тысяч церковная верхушка растащила под самыми абсурдными предложениями. Чтобы свести дебет с кредитом, в отчетах значилось, будто вице-капитан рыцарского ордена умудрился трижды умереть, дважды подвергнуться кастрации и четырежды пережить пересадку внутренних органов...

Отдельно прошлись по имуществу самого епископа Броуда. На его имя было записано тридцать три поместья, из которых двадцать три он попросту отобрал у дворян и простых людей. Схема была проста: виконта Шоса оклеветали, объявив темным чернокнижником; затем Рыцарский орден Церкви под видом разбойников дотла вырезали деревню Лозан, уничтожив более двухсот жителей. Объявив опустевшие земли ничейными, епископ за сущие гроши выкупил их у ратуши. А всё ради того, что на территории Лозана обнаружили небольшое месторождение железной руды...

За тринадцать лет на посту епископа Брод успел получить взятку на триста тысяч золотых монет, принять в дар тридцать девять наложниц и бесчисленное множество редких магических ингредиентов. За звонкую монету он помог графу Клону замять дело об убийстве собственной жены и всей её семьи ради присвоения их богатств, а также позволил тринадцати темным магам благополучно избежать церковного трибунала...

И даже с учетом этого происхождение еще тридцати тысяч золотых и двух комнат, до потолка забитых драгоценностями в его доме, так и осталось загадкой.

Простые люди поначалу отказывались верить своим ушам. Но гора сокровищ, сверкающая прямо перед ними, не оставляла места сомнениям.

Площадь погрузилась в тяжелое, гнетущее молчание.

Даже когда суд завершился, и родственников Броуда вместе с погрязшими в грехах священниками одного за другим потащили на виселицу, из многотысячной толпы не раздалось ни единого крика одобрения или проклятия. Люди просто молча смотрели.

Впрочем, Шастер и не ждал мгновенного прозрения. Вера в Бога Света и верность Святому Престолу десятилетиями вбивались в подкорку подданных империи Гасман. Глупо надеяться, что одно разоблачение в один миг разрушит эту ментальную тюрьму.

Следом на трибуну вышел консул.

— Теперь, — зычно объявил он, — я оглашу решение ратуши касательно конфискованных у Броуда и его приспешников богатств.

— Первое. Каждый житель Кастара при предъявлении удостоверения личности может получить в ратуше единовременное пособие в размере одного золотого. Без исключений для женщин, стариков и детей.

— Второе. Одиноким пожилые люди, вдовы, вдовцы и сироты до восемнадцати лет могут оформить в ратуше социальный сертификат, по которому каждая такая семья будет ежемесячно получать пособие в пятьсот медных монет.

— Третье. Кастар объявляет масштабный набор в армию. Любой, кто добровольно вступит в ряды городской стражи в течение ближайших двух недель, получит подъемные в размере двух золотых монет.

— Четвертое. Ратуше Кастара требуется рабочая сила для восстановления и благоустройства Кастара. Оплата труда — девятьсот медных монет в месяц, два выходных, жилье и питание предоставляются за счет города.

— Пятое. Все поместья и пахотные земли, изъятые у епископа и его сообщников, переходят в собственность резиденции градоправителя. Рабы, трудившиеся на этих землях, отныне объявляются свободными гражданами.

— Шестое. Кастар приглашает на постоянное жительство магов и боевых мастеров из других регионов. Каждому, кто обоснуется в городе и обязуется не покидать его в течение пяти лет,

город выплатит подъемные — от тридцати до десяти тысяч золотых монет в зависимости от ранга.

При этих словах Centralная площадь Кастара буквально взорвалась от восторга. В одно мгновение люди позабыли и о недавнем страхе, и о болтающихся на виселицах священниках.

— По золотому на каждого?! В нашей семье пять человек — это же пять золотых! Да мы за три года столько не зарабатываем!

— Вдовы могут получать по пятьсот медяков каждый месяц... Господи, если сложить это с тем, что я зарабатываю стиркой, мы с детьми точно не пропадем!

— Мэри, я свободен! Я больше не раб!

В толпе раздались первые восторженные выкрики:

— Слава Богу Света! Слава Его Святейшеству Папе! Да здравствует император!

Вскоре эти возгласы подхватили десятки тысяч голосов.

Консул, хитро прищурившись, произнес:

— Слава господину градоправителю!

Его голос, усиленный заклинанием ветра, раскатистым громом прокатился над площадью, заставив толпу на секунду осечься.

И правда. Церковные псы хотели их вырезать. Понтифику было плевать. А все эти блага, свободу и сытую жизнь им дает именно Шастер.

Поколебавшись лишь мгновение, площадь взревела с новой силой:

— Слава Богу Света! Да здравствует император! Слава господину градоправителю!

— Слава господину Шастеру!

— Слава нашему градоправителю!

Звуковая волна покатила по улицам Кастара. Шастер и его приближенные переглянулись и удовлетворенно улыбнулись.

А вот представители купеческих гильдий и местная аристократия спешно поднялись со своих мест. Их прошиб холодный пот.

Что, черт возьми, творит этот безумец?

Ладно бы он просто перевешал половину церковного клира — в конце концов, закон давал градоправителю определенную судебную власть над священниками на его земле. Но Шастер не только не стал опровергать «слухи» о том, что Бога Света нет, а Церковь действовала с одобрения Папы — он позволил этим разговорам свободно расползаться по городу, да еще и раздал конфискованное церковное золото простолюдинам и рабам!

Это же чистой воды подкуп и заигрывание с чернью!

А призыв в армию? Да он же открыто наращивает военную мощь и уводит людей прямо из-под носа у Церкви! Ведь новая церковная администрация, которую Святой Престол неизбежно пришлет в город, должна будет как-то набирать храмовых рыцарей. Но теперь все крепкие мужчины толпами повалят в городскую стражу за щедрыми подъемными, и новому епископу достанутся лишь крохи.

Намерения Шастера были очевидны: он готовился к открытой войне с Церковью.

Едва дождавшись окончания суда, купцы сухо попрощались с консулом и бросились вон из города. Им нужно было срочно передать вести своим гильдиям и семьям, чтобы решить, не пора ли сворачивать дела и бежать из Кастара, пока не начался ад.

Глядя им вслед, Шастер сощурился.

Они всё поняли правильно. Он действительно шел на полный разрыв со Святым Престолом.

Пусть эта битва осталась за ними, но факт того, что его магические силы восстановились, уже не скрыть. Рано или поздно Церковь нанесла бы новый удар, и на этот раз куда более мощный.

Но бегство купцов тоже входило в его планы. Именно через них он собирался разнести новость о том, что заговор епископа Броуда был благословлен понтификом, и что Церковь пыталась уничтожить целый город ради устранения одного неугодного дворянина.

Святой Престол славился своим лицемерием. Они правили людьми, позиционируя себя как оплот святости и морали, а потому панически боялись малейшего грязного пятна на своей репутации. Публичная огласка свяжет им руки — они не смогут просто прислать высокоранговых убийц, ведь любая скоропостижная смерть Шастера мгновенно подтвердит их вину в глазах общественности.

Кастар был подготовлен. Теперь пришел черед деревни Тахэ.

Шастер повернулся к консулу:

— Отправься лично к господину Чи Сяню.

— Будет исполнено, господин градоправитель.

В тот же день после полудня консул прибыл в Тахэ, сопровождая обоз с тридцатью тысячами золотых монет и дюжиной сундуков с магическими материалами.

— Не смотрите на то, что мы вытрясли из этих кровопийц более пяти миллионов золотом и горы артефактов, — со вздохом пояснил чиновник. — Почти сорок процентов ушло Новой церкви Мису. Из оставшегося пришлось выделить огромные суммы на социальные выплаты горожанам, восстановление инфраструктуры и расширение армии. Так что это всё, что мы смогли выкроить лично для вас. Надеюсь на ваше понимание.

Затем он вытащил из-за пазухи изящную шкатулку и протянул её Чи Сяню:

— Но мы рассудили, что сейчас вам могут пригодиться пространственные кольца, так что привезли всё, что удалось конфисковать.

Чи Сянь молча принял шкатулку.

При этих словах он внезапно вспомнил, что вчера во время спешного отступления снова забыл забрать свое пространственное кольцо у Шастера.

Зато Ся Пэньюэ и остальные так и просияли:

— Да что вы, этого более чем достаточно!

Конфискованное добро было нажито на слезах и крови жителей Кастара, так что вернуть его людям — решение единственно верное. К тому же пространственные кольца стоили целое состояние. На рынке за самое паршивое кольцо объемом в пять кубометров просили не меньше тысячи золотых, а тут в шкатулке лежало не меньше тридцати штук, причем большинство — емкостью свыше десяти кубов.

Консул тем временем продолжил:

— Кроме того, зная, что у вас туго с защитой, господин градоправитель распорядился собрать для вас снаряжение с защитными рунами.

Увидев тяжелые окованные сундуки с первоклассной броней, Ся Пэньюэ окончательно

растаял:

— Передайте господину Шастеру нашу глубочайшую благодарность!

Консул внезапно посерьезнел:

— Но главное, ради чего я прибыл, — это обсудить дальнейшее развитие наших отношений и безопасность Кастара.

Он вкратце обрисовал им угрозы, нависшие над городом.

— Господин градоправитель считает, что пока ситуация не прояснилась, вам не стоит действовать слишком активно. И самое важное — ни в коем случае не выдавайте своего земного происхождения, чтобы не давать Церкви лишнего повода для нападков на Кастар.

Впрочем, за высокотехнологичные диковинки, которые то и дело мелькали в Тахэ, Шастер даже не переживал. Большинство местных жителей уже сами придумали этому логичное объяснение: мол, градоправитель просто отобрал эти забавные игрушки у каких-то слабых и незащищенных чужаков, с которыми столкнулся ранее. Всё логично — если земляне так слабы, то зачем с ними договариваться, когда можно просто забрать всё силой?

Благодаря этому заблуждению никто и не думал подозревать в Чи Сяне и его людях пришельцев из другого мира. Тем более что Чи Сянь демонстрировал силу на уровне Великого магистра магии — уровень, недостижимый для абсолютного большинства жителей Аоса, не говоря уже о каких-то мифических «слабых землянах».

— Ну что ж, ладно, — со вздохом протянул Ся Пэньюэ, слегка разочарованный тем, что развернуться в полную силу пока не получится. Они-то думали, что после победы смогут разгуляться на широкую ногу.

Но, поразмыслив, признали правоту консула. Даже если бы Кастар предоставил им полную свободу действий, у них банально не хватило бы рабочих рук. Всё нужно делать постепенно.

— Да, и еще, — добавил консул. — Если возможно, мы бы хотели приобрести у вас партию высокоурожайных семян.

Чэнь Тайнин тут же кивнул:

— Без проблем.

Его семья как раз владела крупной семеноводческой компанией на Земле.

В последующие две недели жизнь в Кастаре и его окрестностях вошла в мирное русло.

На распаханнных переселенцами пустошах пшеничные всходы поднялись уже по колено. Свежая зелень — лук-порей, шпинат, салат, пекинская капуста и молодой чеснок — повсюду продавались на рынках.

На птицеферме вылупилась первая партия цыплят — без малого пять тысяч пушистых комочков.

Пользуясь хорошей погодой, Ду Гу во главе отряда рыбаков вооружился сетями и отправился на реку Тахэ. В удачные дни улов превышал пять тонн отборной рыбы.

В предгорьях построили кролиководческую ферму. Местные кролики оказались настоящей находкой: они были вдвое крупнее земных, а их мясо практически не имело специфического травяного запаха. На Земле для готовки крольчатины требовалась прорва специй, которых в условиях апокалипсиса было днем с огнем не сыскать, из-за чего разводить их никто не хотел. Здесь же плодовитые зверьки — созревающие за четыре месяца и приносящие по восемь крольчат каждые два месяца — по доходности обогнали даже свиноводство.

Но главным успехом стала строительная лихорадка.

Когда ратуша только начинала возводить городские стены из красного кирпича и цемента, простолудины крутили пальцем у виска, заявляя, что кирпич по прочности уступает дикому камню раз в пять, а значит, стены рухнут от первого же удара.

Однако прошедшая битва показала, что повреждения новой стены оказались минимальными за последние тридцать лет. Конечно, и масштаб сражения был не тот, но горожане воочию убедились: один кирпич слаб, но соединенные цементом миллионы кирпичей образуют монолитную и надежную преграду.

А главное — кирпич и цемент обходились в пять раз дешевле камня.

Получив от ратуши по золотой монете, горожане повально загорелись идеей подлатать старые лачуги или отстроиться заново. Кирпич и цемент из Тахэ начали разлетаться как горячие пирожки.

Только на строительных материалах деревня теперь зарабатывала более пятисот золотых в день, в одно мгновение отбив все первоначальные вложения. Поскольку Кастар в начале строительства сидел без гроша, Тахэ поставляла материалы по себестоимости, но теперь розничные продажи приносили чистую прибыль.

Почуввав выгоду, работоторговцы тут же пригнали в город новую партию живого товара — более пяти тысяч рабов. Ся Пэньюэ, недолго думая, выкупил всех до единого, но на всякий случай

строго предупредил работоторговцев, что это их последняя закупка, дабы те не вздумали устраивать новые охотничьи рейды ради легкой наживы.

И напоследок о самом Ся Пэньюэ.

Чи Сянь оказался прав: парень действительно извлек из пережитого колоссальную выгоду.

Как шутил Цао Ян, перефразируя древних поэтов: «Стоило государю приблизить ее к себе — и все красавицы шести дворцов померкли...» В их случае — стоило Ся Пэньюэ завоевать благосклонность стихии Света, как все остальные маги почувствовали себя ущербными.

Шутка ли — всего за две недели парень взлетел от сопливого ученика до мага высокого уровня! Его темпы развития заставили понервничать даже Чи Сяня, а уж Цао Яна и остальных зависть изгрызла до костей.

Поскольку новоиспеченный гений имел глупость хвастаться своим триумфом на каждом углу, в один прекрасный вечер товарищи не выдержали, накинули ему на голову мешок и дружно всыпали дружеских тумаков...

Хорошие новости шли одна за другой, и у Чи Сяня на душе было на редкость легко. Пользуясь тем, что в Кастаре наконец воцарилось затишье, он решил на пару дней отправиться домой, на Землю.

<http://bllate.org/book/20654/2189512>